

таким актором является власть. В результате мы видим, что, с одной стороны, власть оказывается ограниченной весьма узкими рамками фактически трех-четырех факторов, с другой стороны, это стимулирует ее к максимально полной отработке возможностей воздействия на них. При таком ракурсе использование административного ресурса на выборах выглядит как воспроизводство правящим классом самого себя, что обеспечивается за счет интеграции политических и неполитических подсистем общества, представляемой в публичном пространстве как достижение и поддержание социально-политической стабильности.

УДК 342(470+571)

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-СИЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Ф. А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: vestovfa@mail.ru

В статье речь идет о тенденциях, которые проявляются во взаимоотношениях правового государства и гражданского общества в условиях мирового финансового кризиса, усилении роли административно-силовых механизмов воздействия на общество, перспективах развития правового государства в современной России.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, либеральные доктрины, нормативное регулирование, административно-силовые механизмы.

Normative, Regulative, Administrative and Enforcing Aspects of Rule-of-law State

F. A. Vestov

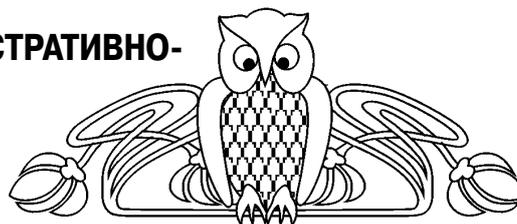
The article focuses on the trends that reveal themselves in the interrelation of rule-of-law state and civil society in the world financial crisis framework, in increasing significance of administrative and enforcing mechanisms of influence upon the society, and on the prospects of rule-of-law state development in modern Russia.

Key words: rule-of-law state, civil society, liberal doctrines, normative control, administrative and enforcing mechanisms.

На протяжении последнего столетия политика не смогла избавиться от противоречия, которое, вероятно, можно считать сущностным, то есть определяющим ее динамику и основные проблемы. Это противоречие между двумя стратегиями и тактиками использования институтов и принципов правового государства для развития политического процесса в направлении либеральной демократии. Разговор о нем важен, поскольку за время последней модернизации

Примечания

- ¹ См.: *Lipset S. M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments // *Lipset S. M., Rokkan S.* (eds). *Party Systems and Voter Alignments*. N. Y., 1967.
- ² *Липсет С., Роккан С.* Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // *Политическая наука*. 2004. № 4. С. 210.
- ³ См.: *Ахременко А. С.* Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 80–92.
- ⁴ Там же. С. 86.

данное противоречие оказалось перенесенным и на российскую почву. Как представляется, его политологический анализ способен многое объяснить в нынешних реалиях отечественной политики, в частности в объяснении того, почему массовое сознание граждан России с таким трудом и непоследовательностью признает значимость либеральных ценностей, либеральных доктрин и институтов.

Суть противоречия, на наш взгляд, состоит в том, что в своих теоретических представлениях о способах и формах построения правового государства российские исследователи либерального толка ориентируются на «западную» интеллектуальную традицию, один из важнейших аспектов которой состоит в том, что права граждан признаются естественными и неотъемлемыми. Они выступают тем основанием, на котором социальное в человеке сливается с политическим, в результате чего и создаются все необходимые условия для выхода на сцену политики идеального гражданина. Соответственно, и государство, которое помогает гражданину в реализации его естественных прав и свобод, тоже предстает идеалом политического и организационного совершенства (выступая неким историческим пределом, далее которого развитие демократической государственности теряет смысл). То, насколько критически современные отечественные либеральные теоретики оценивают советский опыт государственного строительства и опыт советской демократии в целом, наглядно показывает убежденность исследователей в отсутствии такого смысла¹. Наиболее жестко такая позиция обозначена, например, Л. Гудковым, который однозначно заявляет, что «природа российской власти, ее преступления в прошлом и

настоящем, уничтожение исторической памяти российского общества и многое другое образуют слепые пятна как исследовательского, так и обывательского внутреннего зрения»².

Более умеренную позицию занимает Н. М. Казанцев, который утверждает: «Наиболее общей характеристикой комплекса проблем из века в век переходящей незавершенности правовой формы российского государства, пожалуй, является институциональная направленность норм на неинституциональное осуществление процессов государственной службы и государственного управления. Имеется в виду, что юридические институты государства регулируются законом таким образом, чтобы узаконить произвольный характер осуществления власти и исполнения государственных должностей»³.

На сегодняшний день фактически не существует политического проекта, который предлагал бы способы помещения демократических ценностей в иную институциональную оболочку, нежели та, которую представляют собой институты правового государства и гражданского общества⁴. Определенной попыткой концептуализации альтернативной модели российского общественного устройства можно назвать четырехтомный «Проект Россия». Данный проект вызвал широкий общественный резонанс и бурную дискуссию не только детективной подоплекой своего анонимного появления, но и распространением с помощью фельдъегерской почты. Неслучайно после интригующего появления первой книги в 2005 г. ее миллионный тираж, напечатанный издательством «ОЛМА-Пресс» в 2006 г., разошелся в магазинах за три дня. Как представляется, данный факт свидетельствует о высокой потребности российского общества в национальной идее и ее реальной востребованности не только в среде профессиональных политологов и интеллектуалов.

В вышедшей в свет осенью 2010 г. четвертой книге «Проект Россия. Большая идея» впервые был указан один из авторов книг «Проект Россия» Юрий Шалыганов – директор фонда «Институт стратегической безопасности». В интервью «Комсомольской правде», обосновывая неизбежность кризиса либеральной модели, Ю. Шалыганов заявил, что «система, которая существует в мире, предполагает постоянный рост потребления», поэтому Россия должна «или готовиться к созданию жизнеспособной надгосударственной конструкции, или встраиваться в существующую систему и пытаться лавировать среди трупов». По мнению автора, «Божьи заповеди и вытекающие из них мораль и нравственность образуют фундамент, на котором можно объединить людей в устойчивую конструкцию»⁵.

Идентичным проектом можно рассматривать и «Иосифлянский манифест» Павла Шашкина⁶. Однако анализ материалов показывает, что даже в тех случаях, когда создатели очередного проекта пытаются критикой ценностей и институтов либе-

рализма заявить об альтернативности своих теоретических позиций, они в качестве альтернативы существующему положению вещей предлагают все то же правовое государство и гражданское общество.

Более того, в проекте, представленном Институтом стратегии экономического развития, предлагается программа развития институтов гражданского общества, которые должны стать связующим звеном между государственными институтами и обществом, служить инструментом их диалога и взаимодействия для достижения консенсуса в решении поставленных целей и задач. По мнению авторов проекта, «именно институты гражданского общества должны разъяснять широким слоям населения суть всего происходящего, предлагаемых мер и изменений, а также доводить до сведения власти и государственных институтов отношение населения к этим изменениям и проводимым реформам. Они также призваны контролировать соответствие действий власти поставленным целям и задачам в интересах народа»⁷.

Среди институтов гражданского общества особое место должно отводиться развитию сети религиозно-социальных институтов, «содействующих усилению роли и позиций Русской Православной Церкви, обеспечивающих конструктивные отношения сотрудничества с другими традиционными религиозными институтами в законодательных институтах, экспертизе законопроектов, влияющих на решение ключевых национальных проблем, духовно-нравственное и социально-экономическое состояние общества, содействующих оздоровлению предпринимательского климата в стране. Уникальный потенциал для этой работы имеет Всемирный Русский Народный Собор, под эгидой которого могло бы происходить развитие подобных инициатив»⁸.

Фактически отличие в рассмотренных проектах обнаруживается только в том, что право в этом нелиберальном правовом государстве должно быть тождественно справедливости, а гражданственность в нелиберальном гражданском обществе – патриотизму. Речь, таким образом, ведется о том, чтобы существующие формы наполнить новым смыслом и ценностным содержанием, а не о том (что было бы логично, если уж речь идет о политическом проектировании будущего), как это новое содержание может изменить в перспективе существующие сегодня политические формы.

Все вместе это создает тот образ политической перспективы («магистральной дороги современной цивилизации»), который просто не может не быть положительно воспринят массовым сознанием. Нет, соответственно, никаких объективных препятствий, кроме доставшегося гражданам от прошлого менталитета и разнообразных политических заблуждений, для того, чтобы считать правовое государство и гражданское общество в России практически единственно реализуемой стратегией развития.

С другой стороны, современная политическая наука в суждениях о стратегии строительства правового государства, в России в частности, и о правовом государстве как способе придания политике наиболее цивилизованного облика и импульса к прогрессу исходит из рационалистического по духу и столь же традиционного для «западной» политической и правовой мысли прагматического соображения.

Суть его в том, что человеку, особенно не обремененному знанием юридических норм и законов политики, надо настойчиво помогать в приобщении к гражданским ценностям и правилам гражданского общежития, приучать и где требуется принуждать его к цивилизованному взаимодействию с институтами государства.

Можно сказать, что наука сегодня не видит реальных противопоказаний для того, чтобы (если перефразировать известный лозунг Великой французской революции) «железной рукой загонять человечество к счастью» в виде гражданского общества и правового государства. А для этого следует использовать весь арсенал средств убеждения, и даже принуждение – в первую очередь административное, то есть основанное не только на законах, но и на конкретных интересах политических субъектов, связанных с постоянно возникающими у них потребностями в решении самых разнообразных управленческих и организационных задач.

По мнению Н. М. Казанцева, «государство – это власть суда, права и закона, лишь в этом случае возникает баланс классов и сословий, когда ни один не уничтожает пользу и развитие других и каждый служит и полезен остальным, осуществляя в обществе свою специфическую миссию. Иное дело – властительство, здесь доминант диктаторствует, он подчиняет право политике и идеологии своего властительства, исходит исключительно из интересов демонстрации своей доминантности, пресекая развитие остальных классов и сословий»⁹.

Неслучайно в политике распространения демократии США и их союзники значительное место отводят силе и силовому воздействию. В свое время госсекретарь М. Олбрайт открыто заявляла: «Мы будем сохранять наше присутствие всюду, где есть необходимость в защите наших интересов». Инструментами для достижения этих целей, по ее утверждению, являются «простая логика, экономические стимулы, техническая помощь, новые соглашения, обмен информацией, насилие, угроза насилием, санкции, угроза санкций, – и любая комбинация перечисленного»¹⁰.

Во всем мире либеральной демократии сегодня наблюдается тенденция к усилению бюрократических начал государственности, к смещению «реальной политики» в сферу принципов и методов административного регулирования¹¹. Нынешний системный кризис, охвативший практически целиком Старый и большую часть Нового света,

легитимирует такое смещение и даже придает ему прогрессивный смысл, значение единственно возможного способа решения сложных политических проблем.

Естественной в кризисных условиях выглядит ситуация, когда в традиционно демократических странах Западной Европы демократически организованное и опирающееся на конституцию государство устами представителей законодательной и исполнительной власти сегодня считает возможным и даже необходимым говорить «да» тем переменам в политике, экономике и законодательстве (особенно трудовом), в отношении которых большинство граждан страны говорит «нет».

Естественным в кризисных условиях выглядит применение полицейских сил против граждан, заявляющих о несогласии с политикой своих правительств¹². Кризис позволяет рассматривать все эти отступления от либеральной демократической «нормы» как то, что оправдано форс-мажорными обстоятельствами. Но в данном случае уместно вспомнить народную мудрость – не бывает ничего более постоянного, чем временное.

Фактически будучи воспроизводимым в масштабах целого континента, все это выглядит как апробация новой стратегии развития правового государства и гражданского общества – стратегии, которая, в отличие от «классической» либеральной, делает акцент не на внутренней (обеспечиваемой политической культурой человека) способности и готовности граждан принять ценности демократии как свое родное и быть лояльными политическим интересам своего государства, а на необходимости принуждать граждан к лояльности в отношении законов и интересов своего государства вне зависимости от состояния политической культуры и веры в демократию. Это стратегия, в рамках которой государственное администрирование и понимание гражданами естественности законодательного ограничения их прав и свобод легитимируют наращивание потенциала и совершенствование различных форм и способов силового воздействия на ход политических процессов.

В европейском политическом пространстве фигура государственного сотрудника силового ведомства становится своеобразным эталоном ответственного и патриотичного гражданского поведения и медиатором во взаимоотношениях правового государства и гражданского общества. Соответствующие процессы идут и в сфере законодательства: оно ужесточается в части регулирования миграционных процессов и тем самым повышает уровень защищенности интересов коренного населения, но одновременно приучает граждан своей страны к мысли, что административное принуждение является единственным эффективным способом сохранения демократии.

Определенная историческая инерция в следовании этим двум традициям сегодня привела политическую мысль в России к тому, что она не может дать ни государству, ни обществу четких

указаний относительно того, как создавать правовое государство и гражданское общество и возможно ли это в российских условиях в принципе. Следование одновременно двум взаимоисключающим интеллектуальным традициям лишает научные представления о правовом государстве той системности, которая необходима для использования их в качестве идеологии политической модернизации. Практическое решение напрашивается само собой: сегодня, как было отмечено, наблюдается тенденция к актуализации второй стратегии, и надо развивать научный поиск в этом направлении, настраивать массовое сознание на новую интерпретацию стратегии демократического развития.

При всей внешней простоте такой выбор включает в себе немалый политический риск как для политической науки, так и особенно для политической практики. Как минимум, это подразумевает существенное изменение наших представлений о базовых ценностях и процедурах демократии и поиск политической наукой убедительных аргументов, которых в отечественной истории и современности не почерпнуть. Массовое сознание российских граждан до сих пор не демонстрирует твердой уверенности в том, что в свое время обществом и политической элитой правильно был сделан выбор в пользу замены советской демократии демократией либеральной.

Фактически приобщение граждан нашей страны к «западной» либеральной традиции состоялось на уровне, который подразумевает возможность для гражданина свободно, без принуждения со стороны государства принять или не принять те или иные конкретные ценности, понятия и принципы политического общежития. Это, по сути, было приобщение к идее правового государства и гражданского общества в русле первой, наиболее заряженной гуманистическим потенциалом традиции и, заметим, при самом активном участии политической науки, пропагандировавшей этот потенциал на примере интеллектуальных достижений европейских мыслителей прошлого.

Европейцев приспособиваться к этому новому пониманию сегодня побуждает кризис. Россия гораздо меньше, чем Европа, затронута этим кризисом, в связи с чем возникает вопрос о тех стимулах, которые могут побудить российских граждан к такой мировоззренческой ломке, к отказу от гуманистического понимания либеральной демократии и приобщению к ее «административному» пониманию. Если на идущий ныне «со скрипом» процесс освоения российским обществом цен-

ностей и принципов либеральной демократии в русле первой традиции в ближайшем будущем наложится необходимость осознания, что демократия без принуждения невозможна, то это создаст совершенно естественные предпосылки для реинкарнации в массовом сознании советской модели демократии как единственно возможной на российской почве стратегии цивилизованного развития. Это вполне прогнозируемый вызов для нынешней российской модернизации, которая в целом продолжает ориентироваться на либеральную стратегию политического, экономического, правового и культурного развития.

Примечания:

- 1 См.: *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность : Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009 ; *Лукин А.* Политический идеал и политический режим в постсоветской России // *Pro et Contra*. 2008. Июль-август. С. 81–104 ; и др.
- 2 *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 1(93). Январь-февраль. С. 9.
- 3 *Казанцев Н. М.* Публично-правовое регулирование государственной службы : институционно-функциональный анализ. М., 1999. С. 6.
- 4 Например, официальный проект «суверенной демократии» по своим основным параметрам декларировал приверженность его авторов принципам правового государства и гражданского общества.
- 5 Что нас ждет после выборов президента в 2012 году? // *Комсомольская правда*. 2010. 1 окт.
- 6 См.: *Шашкин П. А.* Социальный патриотизм – идейная платформа возрождения России. Иосифлянский манифест. М., 2011.
- 7 См.: *О стратегии преобразования России : идеалы и шансы*. М., 2011. С. 79.
- 8 Там же.
- 9 *Казанцев Н. М.* Идеология права государству или идеология государства праву? // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 49.
- 10 Цит. по: *Уткин А. И.* Американская стратегия для XXI века. М., 2000. С. 19–20.
- 11 См.: *Герменчук В. В.* Пространство власти и управления. Мн., 2008.
- 12 События в Греции 12 февраля 2012 г. – наиболее наглядный пример такого силового противодействия сотням тысяч протестующих (См.: *Зайчик А.* Внутри греческого кризиса вместе с анархистами и радикализованным бывшим средним классом. URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20120325/189063240.html> (дата обращения: 25.03.2012).